

Максима Некрасова трудно назвать дебютантом — его стихи публиковались в местном молодёжном журнале ещё пять лет назад, когда ему было семнадцать и уже тогда обратили на себя внимание читателя. Что подкупает в молодом поэте? Смелость, сметающая на своём пути все ограничения. Не отвергая традицию, он, тем не менее, не хочет вписываться ни в какие рамки, ограничивающие форму или содержание увиденного и переплавленного в стихи. Эти рамки он устанавливает сам для себя, вбирая из традиции самое лучшее и осовременивая её.

Галина Булатова

* * *

не плацкартом по родине новой,
но по старой в СВ,
по костям цвета кости слоновой,
по янтарной листве,
по россии покатымся синей —
в смысле? да ни в каком —
мимо кладбищ, поросших осиной
и примятых катком,
мы с пригорка покатымся в память
на чужих тормозах,
чтобы слёзы застыли как камедь
в оловянных глазах.

ВОКЗАЛЬНОЕ

что говорить если жизнь уже всё сказала
ты прочтёшь эти губы оставшиеся от лица
неизвестно кого принесёт
на перрон вокзала
где последняя встреча не хочет себе конца

поезда поезда — дорогие сапсан и ласта,
чьи-то ноги — упавшие тело —
в проём босой

голоса докучая как среднего
признак пласта
чудом ещё не пропавшего в мезозой

что говорить раз листва зеленой не стала
во дворе дрова на траве
рассыпаются на руках
поздняя осень рвётся излучинами состава
пряча себя в туманно-гнилой рукав

ПАМЯТНИК

звезда метель витиеватые
следы в безлюдности
то мы несёмся как проклятые
по нашей юности

отказывают ноги ватные
благополучие —
и пушкин падает в голубоватые
снега колючие

ЭТЮД В МОСКОВСКИХ ТОНАХ

Вечереет на Воробьёвых,
скрадывая цвета;
бело-чёрная лень опустилась ниже;
не колышутся воды и с ними иже;
на панели высокая тень kota.

Разобшение павших листьев,
сложенное в костры;
безымянные стоны дворов направо.
Так и хочется крикнуть туда-то: «Браво!»,
где горячие вдохи ещё остры.

Но дыхание без ошибок
стягивает петля:
то ли шарф, то ли северный ветер, а то ли
пневмония, что лечится смертью, коли
умиление лечится словом ...ля.

И не спрячешь сердцебиенье
остовами пальто,
и разбитый клендарь не подскажет даты,
и никто не спросит тебя: куда ты?
И припомнит навряд ли тебя никто.

АНГЕЛ

чёрный ангел на чёрном снегу
полежал и пропал
я скучал — я горел по нему —
и сгорел как пропан
дети взяли мелки — ну и ну —
толкотня беготня
чёрный ангел на чёрном снегу
а обводят меня

МОМЕНТАЛЬНОЕ

обрывается ночь телефонная
театрально расставив слова
моментальная рифма — бессонная
у бессонного тоже стола

не фатальное — точно миндальное
только солнце на вашем пути
моментальное — это ментальное
для которого букв не хвати...

ПИСЬМО

Ленинградская полночь.
Фонари мельтешат, как созвездья.
В полутьмах не найти перекрёстка —
читай перекрестья.
Тени чёрных осин перерезали
горло дороги.

Ленинградская полночь.
Колыбель безмятежной тревоги.

Я стою над водой.
Я над гладью стою водяною.
Эта ночь, Боже мой!
Эта чёрная ночь надо мною.
Ничего не видать!
Ничего не увидеть за нею.
Так черно, что и сам я,
наверное, тоже чернею.

Воспалённые мысли
к виску прижимаю рукою.
То шептанье твоё
померещится мне над рекою,
то твоя бездыханная нежность,
то твоя черноокость.
Я стою и смотрю.
Но со мной лишь моя одинокость.

Не дано прикоснуться.
Не дано тебя слышать и видеть.
Не дано полюбить.
Не дано тебя возненавидеть.
Где-то там, далека бесконечно,
бесконечно пустынна,
ты, как чёрная птица,
взмахнула с нечётного тына.

Боже, как ты быстра!
Не погнать за тобой самолёта.
Так быстра, как фотоны,
твоё создававшие фото.
В этих новых слоях атмосферы,
где бесчинно и люто,
ты паришь высоко,
но на свете не снишься кому-то.

Боже мой! Боже мой!

В этот век, где вокруг только пластик,
отовсюду стираю тебя,
но стирается ластик.
Отовсюду сдираю эту память,
как пустую афишу.
Потому что не вижу тебя,
потому что не слышу.

РЕБРО

и любовь и любовь – никчемушное слово
для того что сегодня в метро
запороло своё лебединое соло
и окажется скоро мертво
фонари фонари до фотона потухли
для меня дурака на перо
ну не станет со мной размалёванной куклы –
я ещё поломаю ребро

ОСЕНЬ

загнила наша осень безумная
в гардеробе чужих голосов,
и свистящая песня беззубая
осыпает багряный засов.

кто-то властвует, зверствует, шефствует
порывается в камень залечь –
и всему непременно предшествует
колокольная звонкая речь.

и глаза раскрываются заспанно,
и топорщится взгляд мотыльком,
точно плечи, которые за спину
завели, размягчив молотком.

ПИТЕР

расстёгнутость жестов.
полипропиленовая чешуя неба.
вертикальные птицы
горизонтального асфальта
пытаются вползти в продуктовый.
кристаллические структуры сердца
под подошвой фундамента,
в хрустале люков.

что я здесь, Василиса?
обоюдоострый валенок уралмаша?
зачем я здесь без стиральной дороги?
чтобы созидать камни?
чтобы насиловать запахи
мягких школьниц
на винчестере твоей совести?
что я здесь, Василиса?
бумага, склёванная котельной?

я текст, воспевший
тускнеющие глаза твоего тела,
я текст, вернувший твой рассудок туда,
где взяли,
я сильнейшая боль,
на которую я способен.

НЕ АНГЕЛУ

Бессмысленные чёрные фигуры,
и шорохи, и быстрые шаги,
как тени городской архитектуры,
сошедшие на водные круги.

Быть может, через годы в отторженьи
на лоне увядающего дня
и ты в своём заметишь отражени
виденья, окружившие меня...

ПАМЯТЬ

У картонных ветвей,
на просторе железного сада,
у далёких ворот,
у него, как прежде, фасада
воспалённых церквей,
прорезавших безвременье готик:
дорогая, прощай.
Ты не против. Надеюсь, не против.

Чужеродная тень
на холодном проспекте – косая.
Может, ты?.. Не спросить,
не ворваться в дорогу, спасая,
не купить тебе жизнь,
со смертями своею торгуя.

Дорогая, прощай.
Подождать не могу. Не могу я.

Забывать не порок.
Потому я тебя забываю.
У твоих безымянных могил
тебя не запиваю.
Что я выстрал тебе?
Что я сам себе, девочка, выстрал?
Дорогая, прощай.
Может, слышишь залиvistый выстрел.

СИНИЦА

От кормленья к кормушке,
от вершины к верхушке
ты под облаком вьёшь петлю.
Мера жизни недлинной
тебе кажется глиной,
но ты снова кричишь: стерплю.

Как писал из Америк
мой учитель-холерик,
за стеною, чай, не Париж.
Так зачем же, зачем же
всё надрывней, всё реже,
всё бессмысленней ты паришь?

